

ПАРАДОКСЫ ИННОВАЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Н.Л. Казначеева

Постиндустриальная эпоха в своем развитии ставит перед всем миром и Россией громадную по своему значению задачу инновационного развития технологий во всех сферах национального хозяйства. При этом сам человек как «биосоциум» становится главным фактором производства (в отличие от капитала в индустриальном обществе) и главной фигурой организации всех сторон жизни социального государства.

Становление новой информационной экономики выражается в тотальном распространении информационных технологий по отраслям и сферам экономики, в кумулятивных изменениях в технологии и организации производства и обращения, а также в определенных социально-экономических трансформациях.

Поэтому современная картина трансформации отношений занятости требует своего рассмотрения в контексте реструктуризации всей системы общественного воспроизводства на постиндустриальной основе.

Природе современного рыночного хозяйства соответствует инновационный тип занятости. Инновационную занятость следует рассматривать как способность отдельного человека, кадрового потенциала фирмы, всего экономически активного населения страны максимально быстро приспосабливаться к новым потребностям экономики, вызванным технологическими изменениями. Факторами инновационной занятости выступают технический прогресс, образование и техническая подготовка. Структура инновационной занятости предполагает перераспределение занятости из низкопродуктивных в высокопродуктивные отрасли, активное формирование занятости в сфере услуг и досуга, информационном обслуживании, экологизации природопользования и проч. в отличие от занятости в материальном производстве, характерной для индустриальной экономики.

Занятость в современном производстве по своей структуре все больше должна приобретать вид пирамиды, где занятые в непосредственном производстве имеют тенденцию к неуклонному сокращению (приближаясь к фактическому нулю в «безлюдном» производстве). Однако, очевидно, что фактически ноль вряд ли будет достигнут. Даже в полностью роботизированном производстве сохраняются работники, занятые на производственных линиях. В частности, к ним относятся высококвалифицированные специалисты, уст-

раняющие любые возможные сбои в функционирующем оборудовании.

По мере движения вниз от вершины пирамиды (занятые в непосредственном производстве) растет занятость в так называемых производственных тылах, которые имеют явно выраженный эшелонированный характер и, так или иначе, примыкают к самому производству. Такими тылами являются НИОКР, работы по проектированию, предварительная подготовка производства. К ним же относятся природоохранные мероприятия, влияющие на состояние здоровья работников и будущий потенциал производительности труда и др. Процесс эшелонирования основного производства своим следствием имеет постепенное снижение занятости в основном производстве.

В результате доля занятых в обрабатывающей промышленности развитых стран сокращается, продолжая тенденцию, возникшую более двадцати пяти лет назад. Вот почему, например, прогноз о 3% занятости в американской обрабатывающей промышленности в 2025-2030 гг. не кажется столь уж нереальным [8, С.157.]. Этот прогноз по существу базируется на происходящем процессе перераспределения совокупного труда в экономике. Такой низкий уровень занятости в обрабатывающей промышленности в будущем предполагает высокую степень эшелонирования основного производства. В этом, кстати говоря, заключается смысл структурных преобразований и в нашей стране.

Одновременно растет доля занятых в сфере услуг. В США этот показатель возрос с 56% в 1960 г. до 73% к середине 90-х годов. По имеющимся оценкам, в США в 2006 г. общая занятость в сфере услуг составила почти 80% всех работников [5, С.107]. Уже сегодня в развитых странах на одного занятого в сфере материального производства приходится два человека, занятых в сфере нематериального производства. Так, численность промышленных рабочих к 2001 г. снизилась приблизительно до 10% [1, С.337]. Роль сферы услуг систематически возрастает в создании валового национального продукта. Ее вклад составляет, в среднем по странам мира, 63%, тогда как в России лишь 48%. Уже сейчас в США в сфере услуг сосредоточено 75-80% работников преимущественно умственного труда и 87% кадров высшей квалификации (наука, образование, телекоммуникационные и другие профес-

сиональные услуги) [5, С.107]. Ежегодный объем мирового рынка информационно-коммуникационных услуг по некоторым данным уже приблизился к 3,5 трл дол. [4, С. 19-20].

Российская же структура экономики свидетельствует о сохранении традиций экстенсивного типа занятости. Доля первичных отраслей по числу занятых составляет 35%, между тем как в США этот показатель находится на уровне 5%, а в Японии – 3% [3, С.175]. Наше производство просто перенасыщено трудом отживающего индустриального типа при низкой занятости в инфраструктурных подразделениях, особенно связанных с накоплением и обработкой информации.

Однако нельзя не отметить, что тенденция инновационной занятости соответствует рост финансового сектора, малого бизнеса, отраслей телекоммуникаций. Например, еще в начале 90-х годов, за период 1992-1994 гг., наблюдался некоторый рост занятости в таких отраслях, как кредит и страхование (на 10,6%), а также в образовании (на 6,2%), здравоохранении (на 2,9%), жилищно-коммунальном хозяйстве (на 5%).

Россия сейчас находится на одиннадцатом месте в мире по уровню информатизации. Вместе с тем она является одним из центров активного роста мирового рынка информационных технологий. Наибольшие затраты приходится на проекты в области системной интеграции, далее следуют расходы на создание информационных систем. Наиболее динамично развиваются услуги консалтинга и аутсорсинга, объем которых за период с 2001 по 2006 гг. вырос примерно в 4,5 раза. Достоверные оценки числа программистов в России затруднены. По разным оценкам, в отрасли занято от 50 до 200 тыс. человек [4, С. 19-20].

Но в тоже время доходы работающего населения России далеки от уровня благосостояния, соответствующего постиндустриальной цивилизованности. Если в странах Европы, в США и Японии заработная плата работников составляет от 60 до 70% ВВП, то в России она не превышает 40-45%, а если это выразить в абсолютных величинах, то это различие будет уже в разы. Это и есть стоимостное выражение бедности нашего народа. Главное, экономическое воздействие на уровень жизни российского общества, конечно, зависит от того, как быстро наша страна осуществит новейшие технологические трансформации.

С точки зрения некоторых экономистов (С.Ю.Глазьев, А.Г.Фонотов, Р.И.Цвылев и др.) сутью экономических преобразований в России должна быть модернизация технологических укладов. Дело в том, что к 90-м годам в России сложились три технологических уклада: 1) технология обработки стали, потребление угля в качестве главного энергоносителя, железно-

дорожный транспорт как основное средство перевозок; 2) химизация всех отраслей экономики, автомобилестроение, использование жидких видов топлива; 3) компьютеризация общественного производства, авиационный транспорт и современные телекоммуникации, использование природного газа в качестве основного энергоносителя. Одновременное существование всех трех укладов ведет к резкому усилению структурных диспропорций. Поэтому необходимо вытеснение первого и второго укладов с последующим утверждением как доминирующего третьего уклада, что происходит сейчас в развитых странах. Все эти преобразования должны перевести российскую экономику с мобилизационного на инновационный тип развития, при котором постоянно воспроизводятся и работают эндогенно порожденные импульсы к обновлению.

В этом смысле процессы информатизации помимо всего прочего обеспечивают нормальное и бесперебойное функционирование рынка и являются дополнением к рыночному механизму. Более того, в условиях колоссального усложнения современного хозяйства рынок без дополняющей его информатизации один уже не может справиться с организацией и регулированием производственного процесса в масштабе экономики страны.

На базе информационной экономики станет возможным коренное реформирование нашего общества, иначе говоря, станет возможным «встроить» информационные технологии в социальный организм, изменяя и постепенно модифицируя привычные формы экономической и социальной деятельности. В этом обществе первенствующая роль отводится свободному производителю, обладающему собственностью и отсюда высочайшей трудовой мотивацией и эффективностью труда. В конечном итоге происходит социализация экономики, когда в лице человека труда соединяются работник и хозяин и когда обеспечивается многообразие форм и направлений развития человеческой личности, а именно достижение этой цели является важным критерием эффективной занятости.

Известный политолог А.Л.Янов, ныне живущий в США, говоря о судьбах России, высказывался следующим образом: « Мир сейчас вступил в постиндустриальную эпоху, когда талант становится важнее усидчивости, пуританского трудолюбия, в котором мы не можем соперничать с немцами или японцами. Если бы удалось поставить на ноги Россию, то она будет иметь все шансы выйти вперед и стать не просто великой державой, а державой, которая опережает других» (Россия. 1992. 24-30 июня). Однако вся наша беда и заключается в том, что без усидчивости и пуританского трудолюбия никак нельзя полноценно реализовать и

сам талант. Хочется надеяться, что в ходе естественного исторического развития в России произойдут необходимые социально-экономические сдвиги, адекватно отражающие общие черты информационного общества.

И тогда главным компонентом эффективной занятости станет информационный труд, т.е. труд, который дополняет перманентный процесс получения новых знаний, стимулирует работника на освоение результатов и форм научного, технического и социального прогресса. Отсюда, закономерным явлением эффективно развивающейся системы занятости выступает формирование массовой сложной научно-технической рабочей силы, качественные характеристики которой проистекают от требований НТР. А это, в свою очередь, предполагает переквалификацию и переподготовку рабочей силы, ориентированной на перспективное производство. Отсутствие хорошо отлаженных и бесперебойно функционирующих институтов профориентации и повышения квалификации свидетельствует о низком потенциале эффективности занятости, да и экономической системы в целом.

Надо сказать, что важнейшую истину о решающем значении человеческих ресурсов в производстве и необходимости максимального включения в производственный процесс качественного труда, в последние годы стали достаточно широко высказывать российские ученые-экономисты. Нельзя не согласиться с Р.И.Цылевым, который отмечает, что «...не технология, а человек – носитель самого надежного и неисчерпаемого потенциала продуктивности» [8, С.95]. Действительно, новые информационные технологии по своей сути нацелены не на вытеснение людей из производственного процесса, а, напротив, на создание условий для более эффективного использования людей в производственном процессе. В этом смысле информационная технология принципиально отличается от прежней, традиционной.

Конечно, для России создание информационной экономики с позиций и проблем нынешнего времени представляется как весьма отдаленное будущее. Не будем здесь касаться текущих экономических, финансовых, социальных сложностей нашего развития. Они хорошо известны. Однако в длительной исторической перспективе едва ли они будут определять ход развития нашего общества. Нас интересуют факторы длительного характера. Безотлагательность преобразований такова, что их следует квалифицировать скорее как вызов, брошенный обществу современной эпохой. И тут уместно вспомнить замечание известного английского историка А.Тойнби о том, что все великие

цивилизации рождались как ответ на брошенный историей вызов. В противном случае они гибли.

Для России это будет означать превращение ее в сырьевой придаток развитых стран, которые будут стремиться размещать на российской территории «грязные» энерго-материалоемкие производства. В то же время путь к высокоиндустриальному типу развития России не заказан, так как даже в настоящее время она располагает по меньшей мере тремя мощными источниками такого развития:

1) природные богатства, которых в расчете на душу населения в России больше, чем в США в 2-2,5 раза;

2) многомиллионное трудовое население с очень высоким удельным весом квалифицированных специалистов, несмотря на интенсивную «утечку мозгов» за последние несколько лет;

3) исключительно мощная производственная база, которая по уровню технологического развития в некоторых отраслях не уступает самым передовым странам мира.

Бесспорен тот факт, что в России сконцентрирован большой образовательный, кадровый, культурный и научный потенциал, позволивший стране обеспечить военно-промышленное стратегическое противостояние на международном уровне в течение половины столетия, способный осуществить переход от доиндустриальной цивилизованности дорыночного типа к эффективным технологиям, восприимчивым к научно-техническому развитию и дальнейший переход от этих последних к новому постиндустриальному типу цивилизованности.

Другой вопрос, что эти предпосылки можно быстро и безвозвратно потерять, если не принять срочных мер. Нельзя не согласиться с В.Г. Рязановым, который пишет, что «Для того, чтобы преодолеть нынешние трудности и устранить возникшие препятствия, экономика России располагает достаточным потенциалом, разнообразными ресурсами для развития, творческой энергией народа. Шансы для экономического возрождения остаются, а, значит, все дело в продуманной и эффективной политике, умелых и ответственных политиках» [6, С.783].

Интеллектуальное достоинство и интеллектуальное богатство новой информационной цивилизации, безусловно, предполагает формирование общества, ориентированного на инновационное, креативное поведение, общества, способного к созданию нового знания. Но не только. Это должно быть общество пассионарных, свободных, высокодуховных и нравственных личностей. Французский философ Франсуа Рабле еще

в XVI веке предупреждал, что «знания, оторванные от сердца, это смерть для души».

Итак, процесс становления инновационной занятости в российской экономике носит противоречивый характер, что вполне корреспондируется с ее переходностью и транзитивностью, когда еще сильна инерция экстенсивного трудозатратного типа занятости, но одновременно вырисовываются черты формирующейся экономической системы, в которой основная масса занятых будет перерабатывать не материальную субстанцию, а информацию.

Но пока индустриальное общество – это некая модель, идея, от которой наши социально-экономические реалии далеки, а новая система инновационной занятости только формируется.

Литература

1. Гусейнов Р.М. История экономики России. - Новосибирск, 1998.
2. Кудров В. Экономика России и «трех Европ» // МЭиМО. - 2005.-№ 11.
3. Развитие экономической науки и образования в Сибири // Материалы международной научной конференции. - Томск, 1998.
4. Развитие научно-образовательного потенциала Сибири // Материалы Всероссийского научно-методического семинара. Томск. ТГУ. 2002.
5. Рынок труда региона в условиях структурной перестройки экономики. // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. - Кемерово, 1998.
6. Рязанов В.Г. Экономическое развитие России в XIX-XX веках. - С.-Пб., 1998.
7. Теоретико-экономические представления о будущем России // Материалы российской научной конференции. - Томск, 2006.
8. Цвылев Р.И. Постиндустриальное развитие. Уроки для России. – М., 1996.